

Феликс Кохрихт

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря...»

Где-то в сентябре, когда до начала Международного Одесского литературного фестиваля оставалось недели три, мне позволили из его берлинского штаба и предложили, чтобы на сей раз я принял участие в новом проекте «Память, говори!». Суть его такова: мы – журналисты и музейщики – должны каждый за 30 минут рассказать участникам и гостям фестиваля о выдающихся писателях, чей вклад в мировую литературу неоспорим, и привести как бы в доказательство этого либо их короткие произведения, либо фрагменты из длинных. Каждому из моих коллег были предложены следующие персоналии: Иван Бунин, Михаил Кольцов, Владимир (Зеэв) Жаботинский, Исаак Бабель... Мне же достался Михаил Булгаков.

Знаменательно, что в буклетах фестиваля – в кратких аннотациях к сообщениям под рубрикой «Память, говори!» – в четырех случаях содержится слово «Одесса».

Бабель и Жаботинский родились в нашем городе, и их творчество в основном или во многом посвящено ему.

Бунин жил здесь в Окаянные дни и рассказал о них всему миру. Кольцов часто бывал в Одессе.

А вот Булгаков об Одессе не писал, был здесь всего один раз и жил в гостинице, которой уже давно нет.

Если включить поисковик, то обнаружишь, что ни имя нашего города, ни одесские адресаты писателя практически не упоминаются.

Разумеется, Михаил Афанасьевич Булгаков – один из самых значимых для меня авторов, я, как и многие, прочитал, стараюсь и сегодня разыскивать все, что о нем сообщают уважаемые авто-

ры, но – не более. Никак не могу себя полагать не только «булгаковедом», но просто исследователем или комментатором наследия этого могучего и многогранного писателя и философа.

Поблагодарил собеседницу за честь и отказался.

Наступила ночь, и мне приснился сон.

Женщина, в которой я почему-то сразу признал Елену Сергеевну Булгакову, прошлась по комнате, держа в руках две журнальные книжки в тусклых переплетах, весьма потрепанных. Я даже углядел на одной из обложек большое пятно – видимо, от пролитого кофе...

И внезапно, как-то естественно, Елена Сергеевна исчезла.

Еще во сне, а затем и проснувшись, ничуть не удивившись появлению столь высокой и значительной гостьи, стал обдумывать: а что за периодические издания она мне как бы невзначай предъявила и с какой целью? А цель, несомненно, была. И зачем столь важная гостья явилась к столь скромной особе, как я?

Я вспоминал подобные коллизии: режиссеры, литераторы, артисты признавались в том, что их именно во сне посетила вдова Михаила Афанасьевича (скорее –Маргарита), и какие были на то причины, а затем – последствия... Весьма веские, что ощутили деятели искусства и литературы...

И тут я в своем напряженном воображении внезапно вновь увидел при свете дня эти журналы и удивился, как же я их не признал сразу. Два номера журнала «Москва», разделенных годом издания, а фактически месяцем: № 11 за ноябрь 1966 года и № 1 за январь 1967. Именно так, с перерывом, впервые увидел свет роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Вышел он тщаниями Константина Симонова с большими купюрами, но *вышел* и сразу стал предметом охоты наверняка сотен тысяч наших соотечественников. Редко кто тогда подписывался на «Москву», и все книгочеи устремились в библиотеки и в газетно-журнальные киоски.

Мне улыбнулась удача. В то время я служил, несмотря на молодость, беспартийность и национальность, в газете «Знамя коммунизма» (для молодой публики и иностранцев – в обычной областной газете, правда, с одиозным названием, но, поверьте, не самой коммунистической и знаменосной). Работал выпускающим –

отвечал за технологический процесс выхода газеты, на стыке редакции и типографии.

В том же здании на Пушкинской, 32, в полуподвале находился диспетчерский пункт «Союзпечати», распределявший газеты и журналы по киоскам города. Заведовал им милейший почтенного возраста человек, имя и отчество которого, к стыду своему, позабыл, но фамилию помню с благодарностью: Брандис. Он оставлял журналистам дефицитные особо интересные издания, даже иногда журнал «Америка»...

Я умудрился первым прибежать к нему с ночного дежурства и получить один из трех имевшихся в его распоряжении журналов с Булгаковым (ноябрьский 1966) – а потом, уже в январе 1967, окончание публикации. Разумеется, мы с Таней проглотили каждый за ночь, а потом давали читать друзьям, один из которых опрокинул на обложку чашку кофе...

Прошло время, и в 1973 году в «Художественной литературе» вышел желтый однотомник с «Мастером», «Белой гвардией» и «Театральным романом» – тоже ставший предметом желаний... Нам повезло: Танин брат Виктор, живущий в Мюнхене, подарил ей эту книгу – на радость нам и друзьям. Сегодня книга передо мной, но цитирую «Мастера...» я по пятому тому из пятитомника 1990 года, где он опубликован вовсе без купюр... Во всяком случае, так считается.

А вот те два зачитанных, отмеченных пометками на полях и кофейным пятном журнала «Москва» мы, получив однотомник, подарили, о чем сейчас сожалею – мог показать их собравшимся в Золотом зале Литмузея...

...Итак, вернемся к тому дню, когда, пробудившись ото сна с полной уверенностью, что Елена Сергеевна хотела от меня именно этого, я позвонил вездесущей на фестивале Жене Юрист и сказал, что сожалею о своем отказе и готов участвовать в проекте с темой «Булгаков». Признаюсь, я понятия не имел, как же справлюсь с этим, ибо сомнения в своих возможностях не только оставались, но и усилились. И услышал знакомый милый узнаваемый голос Жени, бывшей на РГФ университета студенткой Татьяны Диомидовны... Явно смущаясь, она сказала, что тема эта после моего отказа уже отдана другому участнику.

Признаюсь, узнал об этом с облегчением.

Спустя несколько дней та же Женя сообщила мне, что замечивший меня как бы исчез, и я могу готовиться к выступлению...

Видимо, Елена Сергеевна все же настояла на своем.

И к ней прислушались.

И тут я вспомнил внезапное исчезновение одного из персонажей «Мастера и Маргариты» – Степы Лиходеева, который как-то помешал планам Воланда, и тот, используя свои возможности, в мгновение ока переместил (нуль-транспортировал) его из Москвы в Ялту. Все для Степы в общем закончилось благополучно, как, надеюсь, для неизвестного, уступившего мне свое место в числе тех, кто 1 октября выступит с сообщением под рубрикой «Память, говори!». Сам этот девиз и подсказал мне, о чем же я могу в течение 30 минут говорить с компетентной, но и уставшей к последнему дню фестиваля, да еще разноязычной аудиторией. Я просто вспомню, что случилось со мной если не при непосредственной встрече с Михаилом Афанасьевичем, но зато на месте, где состоялись важнейшие события его Саги о Иешуа, и о том, кто представился великому предшественнику Булгакова – Гете: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

К месту или не к месту, но вдруг подумал о том, что Сталин с гораздо большим на то основанием мог начертать свою сакральную инвективу: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете» – не на поэме Горького «Девушка и смерть», а на романе «Мастер и Маргарита», тем более что оба автора в разной степени, но находились в сфере его пристального внимания.

...Итак, несколько лет назад мы были в гостях у старого друга Игоря, который давно уже живет в Иерусалиме, но не теряет связей с Одессой. Мы жили в доме, построенном по его проекту (по образованию он – архитектор). В этом комфортном и со вкусом обставленном здании по воле проектанта мраморная лестница, ведущая на второй этаж, где мы поселились, не имеет перил: Игорь и его жена, не говоря уже о детях, – люди спортивные и ловкие. Но для меня эта лестница стала чем-то схожим с бутылкой с подсолнечным маслом, которую Аннушка разбила на трамвайных рельсах.

В тот шабатный – субботный – вечер здесь собрались друзья: Игорь Губерман, с которым я был знаком по встречам в Одессе, иллюстратор его книг художник Окунь и мы. С вечера пятницы супруга Игоря, происходящая из древнего рода йеменских евреев, поставила на плиту медный котел, в котором бурлило, пофыркивало, источало неведомые доселе ароматы трав и корней, произрастающих в пустыне Негев, блюдо из баранины... На столе – красное сухое для дам, холодная водка для нас с Игорем и виски, почитаемое Гариком Губерманом...

Мы с Таней, вернувшись из Старого города, отдыхали перед ужином, обещавшим быть интересным и долгим. И вот нас позвали. Легконогая Таня спешила со ступеньки на ступеньку, а я, словно бедняга Берлиоз, споткнулся и загремел вниз, пересчитывая левым боком удары, приходящиеся в основном как раз на почку... Тут я подумал, что как никогда ранее близок к тому, чтобы быть похороненным в Иерусалиме, и, быть может, чаяниями Игоря, имеющего вес в определенных службах, не где-нибудь, а на знаменитом священном кладбище – на холме. Боль была дикая, но сознание я все же не потерял – жестами и гримасами успокоил Таню, встал и поплелся к столу. Меня встретили с сочувствием, но не могли скрыть и улыбок – уж больно я смешно выглядел со стороны кухни, где всем уже не терпелось выпить и зачерпнуть ложкой из котла...

Выпил водки и я, и даже отведал потрясающее йеменское вариво, и даже пытался перешучиваться с Гариком, но Игорь, прошедший не одну войну, взял меня под локоть, и мы отправились в его кабинет, буцем-то смотреть картины. Там он уложил меня на диван, порылся в сейфе и заставил проглотить внушительного размера таблетку, причем целиком, не раскусывая. Таблетка была из аптечки спецназа: она снимает болевой шок и позволяет бойцу какое-то время держаться на ногах... Через несколько минут боль утихла, бок одеревенел, я немного полежал и вернулся к отмечавшим шабат острякам и детям.

На ночь я принял еще одну таблетку, спал относительно нормально, а утром (вечером мы улетали) попросил Игоря отвезти нас на то место, где когда-то стоял дворец царя Ирода, где Понтий Пилат, прокуратор Иудеи, беседовал с проповедником Иешуа Га Ноцри.

Сегодня я удивляюсь, не понимая толком, что же заставило меня, все сильнее чувствуя возвращающуюся боль и понимая серьезность травмы (все же учился в военно-морском медучилище), отважиться на эту поездку...

И вот мы оказались на высоком холме, с которого террасами спускались сады. Безоблачное небо, солнце, освещавшее крепостные стены, башни, храмы.

И вдруг: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город...» (глава 25).

Умом я понимал, что эта тьма накрывает уже другой Иерусалим, а события, которые Михаил Булгаков описал в своем романе, происходили более двух тысяч лет назад. Что нет уже давно ни тех дворцов, ни тех храмов, да и крепостные стены были не раз разрушены, а главный Храм и вовсе исчез с лица земли...

Но голос, схожий с тем, которым мой друг Веня Смехов в незабвенном спектакле Театра на Таганке читал этот монолог в далекие 70-е годы, продолжал:

«...Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма...

...Ливень хлынул неожиданно, и тогда гроза перешла в ураган... Вместе с водяной пылью и градом на колонны несло срезанные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад...»

Все это время над нашим Иерусалимом свирепствовал ливень, от которого нам негде было укрыться, – машина осталась на стоянке внизу... Промокнув насквозь, мы добрались до нее и приехали домой, где сменили одежду, выпили водки, и все взоры обратились на меня: «Как ты? Сильно болит?». Болело, но на удивление не сильно, более того – исчезло чувство страха, которое грызло меня: я ведь хорошо знал, что ушиб и что от этого бывает...

В Одессе сразу помчался в редакцию, решив, что к врачу на рентген пойду завтра утром. Но и завтра не пошел. А между тем на месте ушиба играли краски, сменяя друг друга, как и положено при такой травме... Таня ужасалась и требовала немедленной госпитализации, но я отшучивался и вел себя легкомысленно...

Синяки-красняки сошли, но припухлость сохранялась несколько лет, и на непогоду ныло. Со временем я рассказал обо всем приятелю хирургу, и тот не поверил мне, но Таня подтвердила. А у нее репутация безусловно правдивого человека.

– Это чудо, – сказал приятель, – чудо, что ты не расшиб почку, и мне не пришлось ее удалять.

Минули немалые годы. По необходимости я недавно прошел комплекс самых серьезных исследований на самом современном оборудовании. Нашли у меня всякое и разное, но не на месте того иерусалимского ушиба... И все же чудо – не в моем исцелении под ливнем из Тьмы, пришедшей в Иерусалим со Средиземного моря.

Главное чудо – в другом.

Ни в сочинениях Иосифа Флавия, ни в изысканиях византийских ученых, сопровождавших царицу Елену, разыскавшую Голгофу, ни в хрониках крестоносцев, ни в апокрифах... Ни в трудах современных ученых нет упоминаний о подобных погодных катаклизмах, о Тьме, внезапно приходящей со Средиземного моря...

Видимо, это случается здесь крайне редко...

Но Михаил Булгаков описал ее так, что я ее сразу узнал Тьму, пришедшую со Средиземного моря. И она в точности повторилась в тот осенний день в Иерусалиме, когда я, кряхтя и прихрамывая, взобрался на холм, где когда-то стоял дворец царя Ирода.

Булгаков же, как известно, в Иерусалиме не был.

